

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XL

№ 138

1985

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир МАКСИМОВ. <i>Удальцов. Глава из романа «Заглянуть в бездну» («Звезда Адмирала»)</i>	5
Вероника ДОЛИНА. <i>Песни</i>	35
Нина БОДРОВА. <i>У реки Утраты. Стихи</i>	44

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Игорь ЕФИМОВ. <i>Чехов о насилии</i>	47
Е. А. ТУДОРОВСКАЯ. <i>Пушкин в гриме Белкина</i>	59
А. К. ЖОЛКОВСКИЙ. <i>Искусство приспособления</i>	78
Елена ГЕССЕН. <i>Новояз-1985. Нелингвистические заметки</i>	99

КРУГ ЧТЕНИЯ

Петр ВАЙЛЬ, Александр ГЕНИС. <i>Без гнева и пристрастия</i>	114
---	-----

НАСЛЕДИЕ

Борис ПАРАМОНОВ. <i>Канал Грибоедова</i>	142
--	-----

ИСТОРИЯ

Виталий РАПОПОРТ. <i>Меч и скрипка. Очерк биографии Михаила Тухачевского</i>	210
--	-----

НАУКА

Лариса ВИЛЕНСКАЯ. <i>Чудеса и трагедии черного ящика. Что происходит с парапсихологией в СССР</i>	253
---	-----

Пушкин в гриме Белкина

Рассказчики «Повестей Белкина»

Издавая «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», Пушкин старательно законспирировал свое авторство. В предуведомление «От издателя» он включил письмо от некоего помещика А. П., соседа «покойного Белкина», в котором во всех деталях обрисована личность мифического автора «Повестей». Иван Петрович Белкин – отставной офицер, малообразованный помещик и добрый человек. Он «получил первоначальное образование от деревенского дьячка», которому «обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности». Он мало интересуется своим хозяйством, но трогательно предан литературе. По свидетельству соседа, «Повести» были его первым опытом. Кроме «Повестей», «Иван Петрович оставил множество рукописей...», в частности, рукопись неоконченного романа*. Помимо того, Пушкин приписал сюжеты «Повестей» различным рассказчикам: в рукописи Белкина якобы «над каждой повестью рукой автора (т. е. Белкина. – Е. Т.) надписано: слышано мною от такой-то особы». Издатель иронически дополняет: «Выписываю для любопытных изыскателей...» (это мы с вами! – Е. Т.), и далее следует перечень рассказчиков, их «чин и звание» и инициалы. Рассказчики, по-видимому, были предусмотрены уже в первоначальном замысле Пушкина. Они сами участвуют в

* Не собирался ли Пушкин и свой неоконченный роман «Дубровский» приписать И. П. Белкину?

рассказах, являются живыми свидетелями событий (как в «Выстреле» или в «Станционном смотрителе») или же наложили отпечаток своих вкусов на фабулу повести (так, в «Метели» и «Барышне-крестьянке», рассказанных «девицей К. И. Т.», дан романтический поворот событий с тайнами, переодеваниями, узнаванием). То есть, «Повести» сразу же были написаны с участием рассказчиков. Но впоследствии, быть может, Пушкин решил что этого недостаточно для конспирации, и ввел фигуру общего автора «Повестей» – И. П. Белкина, который уже совсем не участвует ни в действии, ни в рассказывании повестей. Белкин, как и его сосед (человек провинциальный, простодушный и старомодный), – всего лишь обрамляющие персонажи книги.

Все это можно было бы посчитать нередкой в то время литературной мистификацией. Но, приступая к изданию «Повестей» в 1831 году, Пушкин пишет своему издателю Плетневу (перечисляя правила, «коими будем руководствоваться при издании...»): «...Смирдину (книгопродавцу. – Е. Т.) шепнуть мое имя с тем, чтобы он перешепнул покупателям», – стало быть, это тайна не от публики. Тогда от кого же?

Еще в декабре 1830 года Пушкин сообщает Плетневу: «Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется – и которые напечатаем также Анопите*». Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает». Неужели это было настолько страшно, что Пушкин предпочел рискнуть навлечь на себя неудовольствие царя, если Анопите раскроется? Еще в 1826 году, возвращая Пушкина из ссылки, император Николай сказал поэту: «Я сам буду твоим цензором». «Царская милость» обернулась для Пушкина тяжелой зависимостью: так, попытка напечатать стихотворение («Анчар»), проведя его через обычную цензуру, вызвала неприятнейшие и унижительные для Пушкина объяснения с шефом жан-

* Это и доказывает, что идея заменить Анопите именем Белкина возникла у Пушкина позднее. Во всяком случае, предисловие (о Белкине), видимо, написано перед самым изданием: в письме к Плетневу (в августе 1831 года) он пишет: «Предисловие пришлю позже».

дармов Бенкендорфом. Значит, очень уж не хотел Пушкин открывать своего имени, если он рискнул опубликовать «Повести» под авторством Белкина и отдать их в обычную цензуру.

То было время усиленного полицейского надзора за литературой; немалую роль в этом деле играл Фаддей Булгарин («Видок Фиглярин»). Пушкин писал: «Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу» и считал, что «в России пишет один Булгарин».

Впрочем, Пушкин сражался без страха с Булгариным на журнальном поле. Из Болдина он писал Дельвигу: «Написал пропасть полемических статей, но... отстал от века и не знаю, в чем дело – и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина». Неужели он стал бы бояться, что его «Булгарин заругает», если бы в «Повестях» все было, действительно, благополучно?

Чего же так опасался Пушкин, издавая «Повести»? Разумеется, не критики со стороны Булгарина, а его политических доносов*. Значит, было в этих невинных на вид повестях что-то, к чему не хотел Пушкин привлекать внимания правительства. На худой конец, перекладывая авторство на Белкина, он мог бы оправдываться: я тут ни при чем, я только издавал чужую рукопись и ничего такого не заметил, а цензура пропустила.

Для того, чтобы надежнее скрыть свое авторство, надо было придать как можно больше правдоподобия Белкину и рассказчикам. Как это не раз случалось в русской литературе, вынужденный камуфляж стал творческим приемом. Конспирация приобрела свойства творческого замысла, и где проходит ее граница с основным замыслом – определить не так-то просто.

Какой же вид получили «Повести», приписанные скромному провинциалу Белкину и его таким же непритязательным информаторам?

Исследователи обычно сходятся на том, что сюжеты «Повестей» – это легковесные анекдоты (взятые иной раз из произведений чужой литературы) или пародии на сен-

* По другому поводу он пишет Вяземскому, что Булгарин «по своему обыкновению пустится в доносы и клевету – и с ним не справишься».

тиментальные повести; только гением Пушкина им придано самостоятельное значение. Но, как нетрудно убедиться, «Повести» нельзя считать анекдотами. Все это – драматические истории, совсем не свойственные жанру анекдота, а обязательный «хороший» конец в них – вовсе не прихоть писателя, не уступка анекдотическому стилю. Тут-то и следует обратить внимание на список «рассказчиков». Кто они такие? Они – то, что называется «широкая публика», самого демократического свойства: титулярный советник, то есть, чиновник небольшого чина, а во время действия повести – и совсем в «мелком чине»; это девица (даже не барышня); приказчик; офицер... Офицер, рассказчик «Выстрела», – «подполковник И. Л. П.» Исследователи спорят: может ли это быть И. П. Липранди, кишиневский приятель Пушкина (тому есть некоторые основания), или нет. В «Выстреле» рассказ ведется от лица офицера, но это не может быть блестящий и образованный друг Пушкина. Это бедный армейский офицер в отставке, малообразованный и не охотник до чтения. Это человек уровня Белкина, только без его любви к литературе. Это не может быть и сам Белкин: рассказчик приехал в деревню во всяком случае до 1821 года, а Белкин поселился в своем поместье в 1823 году.

В устах всех перечисленных Пушкиным рассказчиков сюжеты «Повестей» – вовсе не анекдоты: в них нет оттенка «курьеза», свойственного анекдоту. Больше всего они напоминают устные рассказы о драматических происшествиях, всегда бытовавшие среди определенных кругов населения. Об этом свидетельствует хотя бы сюжет «Метели». Пушкин рассказывал этот сюжет еще в Лицее, в 1814 году или 1815 гг.¹ Это типичный устный рассказ, из тех, которые нередко распространяются после войны: подобных драматических историй (об офицере, вернувшемся с фронта) немало ходило и в наше время, после 1945-46 года. Такой же вид Пушкин придал и сюжетам других «Повестей» – сообщил им черты таких ходячих историй, каково бы ни было на самом деле их происхождение. Для таких устных рассказов характерен этот острый и даже замысловатый драматизм ситуаций и обязательно благополучное разрешение конфликтов.

Укажем здесь, что Пушкин не случайно приписал обе повести – «Метель» и «Барышня-крестьянка» – одному романтическому рассказчику: девице К. И. Т. В них, действительно, есть некое стилевое единство. Обе повести обладают одинаковым сюжетным построением – основаны на романтическом «кажущемся» конфликте. В «Метели» Марья Гавриловна и Бурмин любят друг друга; но счастью их препятствует тайный брак, заключенный в свое время каждым из них. Но, оказывается, что они, сами того не зная, тайно венчались друг с другом. Такого же рода сюжет мы видим в «Барышне-крестьянке»: молодые люди любят друг друга; непреклонный отец хочет женить сына на богатой барышне, а сын намерен «жениться на крестьянке и жить своими трудами». Но, к общему удовольствию, оказывается, что богатая барышня и бедная крестьянка – это одно и то же лицо; конфликт был кажущимся. Заключительные слова повести: «Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку» – могут быть отнесены также и к «Метели».

Перечень особ, сообщивших автору сюжеты «Повестей», должен указывать на широкий круг, в котором возникли и передавались эти устные рассказы. «Выстрел» – рассказ, ходивший в армейской среде; «Станционный смотритель» – в среде мелких чиновников; «Метель» – среди различной публики послевоенного времени; он дошел до автора через девицу К. И. Т., которая рассказала ему также сюжет «Барышни-крестьянки», может быть, услышанный ею даже от дворовых. Все это, как сказали бы позднее, – разночинная публика.

Кроме того, в «Повестях» в ряде мест вставлены как бы «подлинные» рассказы от лица различных персонажей. Так, в «Выстреле» в основной рассказ отставного офицера вставлены два рассказа: один – от лица Сильвио (о первой дуэли), другой – от лица графа (о второй дуэли). В первом рассказе имеются элементы речевой характеристики – галлицизмы в речи Сильвио («... имея право выбрать оружие, жизнь его была в моих руках»). Самый рассказ Сильвио замечателен своей «отстраненностью». Сильвио говорит о себе как бы со стороны. Еще слова

«В то время буйство было в моде» можно объяснить шестилетним сроком давности, после которого «мода» переменилась. Но в остальном Сильвио говорит о себе очень уж объективно. «Он шутил, а я злобствовал», «Я сказал... плоскую грубость», «Злобная мысль мелькнула в уме моем», – как будто он рисует со стороны свое поведение. Граф в своем рассказе тоже говорит о себе как бы со стороны («он знает, как я обидел его друга; пусть же узнает, как Сильвио мне отомстил»). Так же объективно относится к себе и основной рассказчик повести, когда говорит о себе: «моя одичалая застенчивость». Словом, впечатление таково, что все их речи – только маскарад; общий прием в рассказе настоящего автора.

«Станционный смотритель» также повествуется от лица некоего «титularного советника А. Г. Н.»; но и его личность проявляется лишь в одном месте – в чисто-гоголевском рассуждении среднего чиновника: «... что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось бы в употребление другое, например: *ум ума почитай?* Какие возникли бы споры! и слуги с кого начинали бы кушанье подавать?..» В остальном «Станционный смотритель» лишен какой бы то ни было условной характерности рассказа. Как «Станционный смотритель», так и остальные повести недвусмысленно написаны прямым языком и стилем Пушкина, в его пронзительной и иронической манере, и соответствуют литературной, философской и исторической образованности истинного автора. Например, в «Барышне-крестьянке» от начального рассказа «девицы К. И. Т.», несомненно, ничего не осталось, кроме фабулы. Возьмем хотя бы рассуждение об уездных барышнях («Что за прелесть эти уездные барышни!»... и т. д.). Оно, безусловно, принадлежит самому Пушкину. Здесь и проходит граница между основным замыслом Пушкина и его «сказовым» обрамлением. Это дополнительная маскировочная раскраска, приданная автором своим текстам; она должна рисовать их якобы околотелитературное значение, изобразить их бытование, среду, обстоятельства возникновения. Она же придает языку «Повестей» непосредственность устного рассказа. К самим рассказам это не имеет прямого

отношения. И Белкин и рассказчики только прикрывают лицо Пушкина в «Повестях».

Так что же такое было скрыто в «Повестях» за лицами различных посторонних рассказчиков, что могло подвергнуть Пушкина нападкам Булгарина? в чем хотел Пушкин избежать излишнего внимания своего венценосного цензора и для того выдать в свет свои «анекдоты» через простую цензуру?

Время «Повестей Белкина»

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к самим «Повестям» и прежде всего посмотрим, к какому времени относится действие «Повестей».

Как это свойственно Пушкину, если даже он не указывает прямо, в какие годы происходили описываемые им события, то годы эти у него точно расчислены. В «Выстреле» Сильвио рассказывает «автору» повести о своей первой дуэли с графом, состоявшейся **ш е с т ь л е т н а з а д**. Через пять лет «автор» встречается с графом и слышит от него о развязке истории (о второй дуэли). Еще некоторое время спустя «автор» узнает о смерти Сильвио, который «во время возмущения Александра Ипсиланти предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами», то есть, в 1821 году. Таким образом, начало событий (первую дуэль) можно отнести к первым годам века. Сильвио рассказывает: «...Тогда буйство было в моде... я перепил славного Бурцева, воспетого Денисом Давыдовым...» — стихи Давыдова о Бурцеве написаны в 1804 году. Вторая дуэль явно относится к мирному времени, либо до, либо после Отечественной войны. Может быть, расчет времени должен быть — 1809 г. (первая дуэль) — 1815 г. (вторая дуэль) — 1820 г. (рассказ графа) и 1821 г. (смерть Сильвио). Но до второй дуэли в течение шести лет Сильвио не выезжал из польского местечка, что, конечно, вряд ли было возможно, если этот промежуток времени приходился на события Отечественной войны. Тогда лучше принять более ранние сроки: 1805 г. (первая дуэль)

– 1811 г. (вторая дуэль) – 1816 г. (рассказ графа) – 1821 г. (смерть Сильвио)².

Датировка «Метели» проще: тайный брак Марьи Гавриловны состоялся зимой в начале 1812 года, перед Отечественной войной; встреча ее с Бурминым произошла в 1815-16 гг., спустя некоторое время после возвращения русской армии из Парижа.

Даже происшествия «Гробовщика» можно датировать: они относятся к 1817 году, так как Адриан Прохоров продал свой первый гроб в 1799 году, а затем 18 лет жил в своей лачужке, пока не купил новый домик (но о «Гробовщике» я не буду говорить здесь, так как эта повесть резко отлична от интересующего меня материала).

В «Станционном смотрителе» знакомство автора с Дуней и ее отцом прямо датировано 1816 годом; тогда как похищение Дуни гусаром и ее последняя встреча с отцом в Петербурге может относиться к 1817 – 1818 гг.; приезд ее (с тремя барчатами и кормилицей) на могилу отца можно отнести примерно к 1823 году.

Наконец, события «Барышни-крестьянки» должны происходить в 1817 – 1820 году, так как отец молодого Берестова «вышел в отставку в начале 1897 года, уехал в свою деревню и с тех пор оттуда не выезжал». Алексей родился в деревне; ко времени, описанному в повести, он еще очень молод³.

Таким образом, по своему началу «Повести» расположены хронологически последовательно: «Выстрел» – 1805 г., «Метель» – 1811 г., «Станционный смотритель» – 1816 г., «Барышня-крестьянка» – 1817 или даже 1820 г. Развязки их происходят около 1820-го года.

(В этом смысле, как и в некоторых других отношениях, с «Повестями Белкина» можно сопоставить и роман «Дубровский», действие которого происходит, возможно, около 1815 года [Владимир Дубровский родился в годы после второго турецкого похода, то есть, около или после 1791 года; в романе ему 23 года]. Но скорее этот срок надо передвинуть к 1818 году: это время соответствует событиям романа – крестьянскому разбойничьему бунту⁴. К тому же, в решении суда по делу о тяжбе Троекурова с отцом Дубровского упомянут указ 1818 года

[впрочем, Пушкин использовал без изменений подлинный судебный документ более позднего времени]. Так или иначе – это время невольно после Отечественной войны.)

Таким образом, действие «Повестей Белкина» (как и «Дубровского») относится к 10-м годам XIX века, то есть, к особенной эпохе русской действительности, резко отличной от времени 30-х годов, когда «Повести» (и «Дубровский») были написаны⁵. Правда, выбор этого времени может быть мотивирован всего лишь обстоятельствами жизни И. П. Белкина: он переехал в деревню в 1823 году и здесь занялся литературой. «Повести» – его первый опыт. Сюжеты «Повестей», разумеется, были рассказаны ему до этого, то есть, до 1823 года, или же в самом начале его пребывания в деревне, где могли ему рассказать их: сосед-помещик, свой брат – отставной офицер, заезжий чиновник, местная девица.

Но во всяком случае, время «Повестей» ограничено годами перед декабрьским восстанием. Здесь уже было чего остерегаться. К чему было живописать такое сомнительное время, о котором не любил напоминаний император Николай?

Действующие лица «Повестей Белкина»

Откуда бы ни брал свои сюжеты Пушкин, но с помощью своего «обрамления» – рассказчиков – он придает сюжетам характер распространенных устных рассказов о событиях, случившихся с реально существовавшими лицами. И вся соль «Повестей» для него – в этих лицах, в личностях героев.

Фабулы «Повестей», «анекдоты с счастливым концом», целиком зависят от характера персонажей. Ими определяется ход событий. Далеко не с каждым героем возможна была бы счастливая развязка, скажем, в «Метели» или в «Станционном смотрителе» (судьба Дуни). Кто же обеспечивает благополучные развязки «Повестей»? Кто их носители? Это граф в «Выстреле», это Бурмин, Минский, Алексей Берестов. События «Повестей»

происходят в провинции, в помещичьих имениях, в деревне, или же на захудалой почтовой станции. Но кто такие дворянские персонажи «Повестей»? Нетрудно убедиться, что это не какие-либо провинциальные жители, а главным образом столичные – московские и петербургские – офицеры. В «Выстреле» граф – офицер, московский житель, временно приехавший в имение жены⁶. Герой «Метели», гусарский полковник Бурмин, участник похода 1812-14 гг., также приезжает в свое поместье лишь на время. Герой «Станционного смотрителя» гусарский ротмистр Минский – петербургский офицер. Алексей Берестов из «Барышни-крестьянки» учился, видимо, в Москве (в пушкинских черновиках зачеркнуты слова, сначала в «Харьковском», затем в «Московском» университете, но Берестов поддерживает переписку именно с Москвой). Он готовится стать офицером, по всей вероятности, по примеру своих друзей-военных; эти подробности в биографии молодого Берестова имеют определенный смысл: М. В. Нечкина в книге «Грибоедов и декабристы», говоря о Московском университете 10-х годов («Московский университет можно с полным правом назвать питомником декабристов»), упоминает о поступлении большинства окончивших университет на военную службу, в особенности в 1811-14 гг. Здесь же Нечкина говорит: «Поза самостоятельности, спора, отстаивания своего мнения в столкновении с старшим поколением уже была в то время характерной чертой облика московского пансионера и студента»⁷. «Поза самостоятельности» именно и характерна для Алексея Берестова, воспитанника Московского университета. Если присоединить к этому перечню Владимира Дубровского, петербургского гвардейского офицера, воспитанника Пажеского корпуса, то станет несомненным, что дворянские герои «Повестей» (так же, как и Дубровский) – это просвещенные столичные офицеры, то есть, среда, с которой был близок Пушкин в петербургские годы своей молодости и вообще в преддекабрьские годы.

Под стать героям «Повестей» и героини – романтические провинциальные барышни, о которых Пушкин отозвался с такой симпатией («... что за прелесть эти

уездные барышни!»), считая главным из их «существенных достоинств» «особенность характера, самобытность». Союз Алексея и Лизы, Бурмина и Марьи Гавриловны, графа и его Маши, даже Минского и бедной провинциалочки Дуни (наконец, роман Дубровского и дочери самодура и крепостника Троекурова) сопровождается настоящей близостью их вкусов, взглядов, отношения к жизни. При всей своей случайности и порой даже анекдотичности, их сближение вполне закономерно.

Коллизии «Повестей»

Теперь уже нетрудно определить, какие коллизии движут «анекдотическими» сюжетами «Повестей».

Ключ к их пониманию обнаруживается в повести «Метель». Драматическая коллизия здесь несомненно присутствует. Но в чем она заключается? и кто ее носители? Владимир и Бурмин? Но и они даже не встретились и не знали один о существовании другого. Владимир погиб к середине событий, и его судьба была, в сущности, лишь толчком к настоящему, серьезному конфликту повести. Пушкин не сделал первый роман Марьи Гавриловны слишком серьезным и в начале даже изобразил его иронически («Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена...» и т. д.). Поэтому и крушение его не кажется таким уж значительным, несмотря на смерть Владимира и тяжелую болезнь Марьи Гавриловны. Бедный Владимир – жертва обстоятельств (метель!), а не реального конфликта в его жизни. Центр действия повести – встреча Марьи Гавриловны с Бурминым; все остальное – предыстория, обуславливающая драматизм этой встречи. Конфликта между влюбленными, собственно говоря, никакого нет; противоречие заключено в их судьбах. Но где же его причина?

Строго говоря, коллизия повести обусловлена двумя личностями Бурмина: повесы-офицера из первой части, совершившего «преступную проказу», – и влюбленного из второй части, порядочного, мужественного человека.

Автор повести всячески подчеркивает: ни одна душа на свете не знает о преступлении проезжего гусара, о его легкомысленном венчании с чужой невестой. Бурмин рассказывает: «Не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с какой станции поехал... Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе...» Кто может изобличить его, если он скроет свою женитьбу? Никто – кроме его собственной совести, его порядочности и чести. Перед нами два различных человека, и второй глубоко осуждает первого, погубившего его счастье; признает свое преступление и свою ответственность за него: «В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул... я не имею надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отмщена».

Что же с ним случилось? Что произошло за эти короткие четыре года, что в корне изменило нравственную сущность молодого офицера?

Прошла Отечественная война. Она всколыхнула русское общество. «Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе...» Но дело не только в возмужании. Европейский поход, взятие Парижа, проблемы патриотизма, мужества, чести, широких общественных интересов, – через все это прошла военная молодежь, еще недавно проводившая жизнь в полковых «развлечениях» (буйство, пьянство, карты, дуэли – вспомним «Выстрел»!). О новом облике молодого офицерства свидетельствуют «Записки» декабриста И. Д. Якушкина: «В 14-м году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжении двух лет мы имели перед глазами великие события, решавшие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь невыносимо было смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, восхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед»⁸.

Мы знаем, как постепенно усиливалась эта рознь между молодым офицерством, участниками войны, и старшим дворянским поколением, сторонниками старых порядков. Мы знаем, к чему она привела.

В двух из «Повестей Белкина» изображено это нравственное перерождение дворянской военной молодежи – в «Метели» и «Выстреле». В остальных «Повестях» события происходят уже после войны.

В «Метели» это перерождение очевидно. В «Выстреле» – сложнее. Оба главных действующих лица «Выстрела» – Сильвио и граф – тоже не те люди, которые в начале событий вышли на дуэль. Сравнительно с крайними точками рассказа оба героя переменились. Но как их нравственное изменение соотносится с временем Отечественной войны? От Сильвио, буяна, дуэлянта, «перепившего Бурцева», до Сильвио, командовавшего отрядом этеристов и погибшего за греческую свободу, – дистанция не меньшая, чем от молодого графа («Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость, самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета...») до утонченного аристократа, с которым 11 лет спустя познакомился автор. Этот автор – бедный «одичалый» помещик, но бывший офицер, и это обеспечивает ему, как бывшему товарищу по оружию, любезный прием у графа («...вошел мужчина лет тридцати двух, прекрасный собою...» Он «приблизился ко мне с видом открытым и дружелюбным... Разговор его, свободный и любезный...» Вошла жена графа. «Они, чтобы дать мне время оправиться и привыкнуть к новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною как с добрым соседом и без церемонии... Граф и графиня рады были, что я разговорился...» и пр.). Великодушие, любезность, простота, такт, воспитанность, наконец – душевная тонкость, – все это черты подлинного аристократизма духа. Рассказывая о своей дуэли с Сильвио, граф относится с осуждением – но не к Сильвио, а к себе самому, каким он был в то давнее время («он знает, как я обидел его друга...»).

Но все это мы видим уже в конце повести, заведомо после Отечественной войны. А что было с дуэлянтами посредине? Когда произошел перелом? Если даже вторая дуэль состоялась до войны, то все же оба они были готовы к этому перелому, и драматизм столкновения Сильвио и графа – в том, что во второй раз Сильвио стреляется

уже с другим человеком, который должен отвечать за первого. Да и Сильвио уже не тот. С самого начала он больше нуждался не в физической мести, а в нравственном преодолении противника («Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!»). Ко времени второй дуэли с него вполне достаточно этого нравственного торжества, унижения противника. Да и сам он, в сущности, не хочет стрелять в графа. Победа освободила его душу от маниакальной идеи о мести. Но на что употребил он свою свободу? Мы не видим больше Сильвио, но знаем, что душевные перемены направили его к более высокой цели (это тоже поддерживает счет событий – 1805 – 1811 – 1816 – 1821 гг.).

В других повестях («Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка») (как и в «Дубровском») мы видим время уже после Отечественной войны. Здесь происходит столкновение передовой дворянской молодежи с старым миром, с духом и воззрениями старшего поколения.

Давно уже исследователи указывали, что в беде, постигшей станционного смотрителя, существенное значение имеет его отношение к этой беде. Для него несомненно нравственная гибель дочери. Он рассматривает все с нею случившееся как непоправимое несчастье. Недаром на стене у него висят картинки с изображением притчи о блудном сыне: так он и рассматривает судьбу дочери, так он и старается вернуть ее («Авось приведу я домой заблудшую овечку мою»). Он пропускает мимо ушей уверенья Минского («Не думай, чтобы я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово»); для него нет никакого сомненья в ее неизбежном несчастье («Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил...»). Он не допускает мысли, что ситуация может быть иной. А Минский – не просто «проезжий повеса». Тут встает вопрос – женился ли Минский на Дуне? Пушкин не нашел нужным сказать об этом прямо. Так или иначе – произошло это не сразу. Несколько месяцев спустя после бегства дочери станционного смотрителя, когда Вырин приехал в Петербург с намерением

найти и вернуть Дуню, она проживала там еще в качестве содержанки Минского. Быть может, виною этому были неизвестные нам обстоятельства жизни Минского, быть может, сам Минский не сразу преодолел в себе старые «аристократические» взгляды. Приезд Дуни впоследствии к отцу «в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами, и с кормилицей, и с черной моською» свидетельствует, во всяком случае, об устойчивом социальном положении Дуни. Что же это – законный брак? Может быть, хотя и не обязательно. Что же? судьба Дуни – это «случайное отклонение от нормы» (как считали некоторые пушкинисты)? Исторически, в среде просвещенного столичного дворянства той поры подобные вещи не были таким уж «случайным отклонением». Вспомним крепостную Парашу Жемчугову, ставшую женой графа Шереметева; Е. С. Семенову, великую артистку, которая, несмотря на свое плебейское происхождение, вышла замуж за князя Гагарина (уже имея от него двух детей); артистку Ежову – правда, не жену, но постоянную сожительницу и подругу литератора и театрального деятеля князя Шаховского. Конечно, все это были незаурядные женщины; но такой была и пушкинская Дуня.

Да и просто ли «сманил» Минский Дуню? Ведь она – девушка, «видевшая свет», встречавшая у себя на станции самых различных людей, из которых многие обращали на нее внимание, и наверное, не один сманивал ее за собой. Несмотря на свою молодость, далеко не с каждым согласилась бы она уехать. А ведь на свое бегство она решила вполне сознательно (она плакала, но «ехала по своей охоте»). Когда проезжий гусар «весело разговаривал с Дуней», вряд ли это было тривиальное «обольщение». За два дня пребывания гусара на станции между ним и Дуней могла возникнуть душевная близость. Не зря автор описывает (устаами Вырина) Минского как приятного, веселого, простого человека (он «был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дунею, то с зрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу и так полюбился доброму зрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем»). Его вспышки грубости

(«возвысил голос и нагайку») – не более чем дурные привычки той эпохи, а его грубое обращение с Выриным при встрече в Петербурге – результат замешательства и стыда, от невозможности разрешить их конфликт... Дуня и сама не хочет возвращаться к отцу (при его появлении у нее в Петербурге, она не бросилась к нему навстречу, а «с криком упала на ковер»).

Столкновение в «Станционном смотрителе» – не тривиальная обида, нанесенная легкомысленным аристократом бедному человеку. Здесь возникает непреодолимое противоречие двух отношений к жизни. Смотрителю противостоит совсем не тот человек, которого он себе представляет (как Сильвио стреляется не с тем человеком, с которым у него когда-то произошло столкновение). В этом конфликте несчастный отец меньше всего отвечает за опыт и воззрения старого общества, которым он сам подвластен. Автор жалеет Вырина, но сам он на стороне Минского и Дуни.

А что происходит в «Барышне-крестьянке»? Тут столкновение молодежи с старым духом отцов гораздо более легкое, даже (как мы уже видели) кажущееся, но тем не менее очень чувствительное для молодого героя – Алексея Берестова. Здесь происходит не только принципиальная ссора Алексея с непреклонным отцом, который грозит лишить его наследства. Преодолевая собственное привычное отношение – барина к крепостной девушке (он привык «не церемониться с хорошенькими поселянками» и «все помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою») – он приходит к романтической мысли: не уступать отцу, «жениться на крестьянке и жить своими трудами». Пушкин не подвергает своего «доброего малого» такому испытанию всерьез, но все же не каждому молодому дворянину и не каждому даже передовому офицеру того времени пришла бы в голову такая мысль. Но и не так уж она удивительна. Она характеризует определенные умонастроения дворянской молодежи тех лет. Обратим внимание на то, как происходит сближение Берестова и молодой крестьянки («возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры»); на обучение «Акулины» грамоте «быст-

рее, чем по ланкастерской системе» – это замечание Алексея показывает на знакомый ему круг мыслей.

(Наконец, в «Дубровском» мы встречаемся с коллизией того же рода, что и в «Повестях Белкина», только гораздо более острой и трагической. Здесь просвещенный и благородный офицер, которого возмущает несправедливость, царящая в крепостнической среде, произвол властей и пр., вступает на путь резкого отрицания и противодействия этой несправедливости; но судьба толкает его не на участие, скажем, в тайных обществах декабристов, а на путь непосредственного индивидуального возмущения – он становится во главе шайки разбойников, грабящей богатых помещиков. Несмотря на романтическую тему о благородном разбойнике, Пушкин в своем романе не уклоняется от исторической действительности тех лет: за основу романа, как известно, взяты реальные события⁹.)

В «Повестях Белкина» мы везде видим столкновение старых, установившихся в обществе понятий и представлений – и новых идей и понятий, в сущности – тривиального и нетривиального, прогрессивного отношения к вещам (самая «занимательность» «Повестей» основана на ломке наших тривиальных представлений!). Это обуславливает драматические сюжетные коллизии повестей, объясняет духовное перерождение их носителей. Их высокий, благородный дух берет верх, а взгляды и правила «отцов» терпят крушение.

Вспомним о том общественном брожении, которое происходило в России после Отечественной войны 1812 года. Вспомним, что к 1816 году относится возникновение первого тайного общества – «Союза Спасения», а в 1818 году ему на смену приходит «Союз Благоденствия», имеющий «сокровенную цель приуготовить Россию к конституционному правлению»¹⁰. В Союз вошли будущие декабристы и среди них многие из ближайших друзей и сверстников Пушкина, большей частью молодых столичных офицеров. В «Повестях Белкина» нет политических проблем, но есть люди, поставившие эти проблемы. Мы видим становление их личностей. Мы видим, как вчерашние кутилы, игроки, дуэлянты – приобретают свойства

высокого благородства*. Вчерашний повеса, шутя разрушивший чужую жизнь, сегодня согласен лучше разрушить свою, чем решиться на обман, поступить бесчестно и безжалостно со своей вчерашней жертвой. Проезжий офицер, сманивающий бедную девушку, единственную дочь старого отца, не может покинуть ее, и их отношения становятся настоящим семейным союзом. Молодой барин, привыкший легкомысленно относиться к молодым поселжанкам, готов в конце концов преодолеть «расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою» и серьезно собирается «жениться на крестьянке и жить своими трудами», все более находя в этом благоразумия. Можно думать, что в героях своих «Повестей» Пушкин изобразил друзей своей молодости, их душевное благородство, их лучшие нравственные качества и убеждения. А если допустить, что героям «Повестей» могли быть приданы какие-то реальные черты личности или биографии друзей Пушкина – черты, для нас уже утраченные, но известные в то время не только близким Пушкину людям, но и Булгарину, и самому императору Николаю (возглавлявшему следствие по делам декабристов), то становится понятным: было за что Булгарину «заругать» автора «Повестей», – от которых «ржет и бьется» Баратынский.

Надо полагать, что, по возвращении Пушкина из Болдина, Баратынский был первым или одним из первых, прочитавших «Повести». Почему же он так бурно реагировал на прочитанное? не потому ли, что он был в восторге от находчивости автора, сумевшего вслух сказать о самых запретных темах и лицах? В свое время Баратынский был близок с теми же кругами декабристской молодежи, что и Пушкин. Он (Баратынский) должен был прекрасно понимать, о чем, а главное – о ком идет речь в «Повестях».

К этим мыслям приводит детальное рассмотрение создания и опубликования «Повестей Белкина».

*Надо отметить, что Сильвио, с его стремлением к превосходству над товарищами, с его резким индивидуализмом, и не мог бы войти, скажем, в какое-нибудь тайное общество. Его подвиг индивидуален – как и вся его жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. I, Москва, 1951, стр. 30.

2. Л. Гроссман датирует события «Выстрела» с 1806 – 1808 гг. по 1822 г. См.: Л. Гроссман. Исторический фон «Выстрела». – «Новый мир», 1929, № 5. стр. 208.

3. О датировке «Барышни-крестьянки» более подробно см.: В. Данилов. Классовая обусловленность «Повестей Белкина» А. С. Пушкина. – В сб.: А. С. Пушкин, изд. «Никитинские субботники», 1931, стр. 306-309.

4. М. А. Цявловский. Летопись..., стр. 221.

5. «... В бурную и героическую эпоху», – говорит Л. Гроссман и называет «Выстрел» романом «Война и мир» на четырех страницах. Цит. ст., стр. 223.

6. Что касается офицера в отставке Сильвио, то Л. Гроссман вполне убедительно доказал, что офицер Сильвио имеет самый реальный прототип – это все тот же приятель Пушкина подполковник И. П. Липранди, арестованный в свое время по делу декабристов. См. цит. ст. Л. Гроссмана. Липранди служил в тайной полиции, но это выяснилось много позже, и для Пушкина в 30-е годы Липранди оставался передовым офицером, связанным с декабристами.

7. М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы. Москва, 1951, стр. 80, 87 и далее.

8. И. Д. Якушкин. Записки. Москва, 1925, стр. 13.

9. Описывая состояние русского общества после войны 1812 года, А. М. Горький говорит: «... из провинции идут одна за другой вести о крестьянских бунтах, об усилении разбоев. Крестьяне еще недавно вели партизанскую войну против французов, и теперь разбойничьи шайки превосходно дерутся с военными командами». См.: М. Горький. История русской литературы. Москва, 1939, стр. 81.

10. М. А. Цявловский. Летопись..., стр. 92, 148.

